

В ЗАВОДСКОМ АРХИВЕ

Темное, сырое помещение. Кое-где на бетонном полу пятна плесени. Осторожно, чтобы не испачкать одежду, пробираюсь между стеллажей. Из-за скудного освещения документы кажутся не выгоревшими желтыми, а почти черными: различные ведомости, кассовые документы, лицевые счета... Это заводской архив.

Строительство динасового завода началось в 1929 году посреди густого леса и болот. Молодые энтузиасты, черпавшие мужество и силы из одного для всех источника — безмерной веры в Коммунизм — сегодня для нас лица исторической хроники. Еще несколько лет назад мы с вниманием слушали их рассказы о голодном, холодном, но таком сча-

стливым и героическом прошлом, а теперь говорим: «Хватит про лапти, бараки, голод...»

Иду по архиву. На стеллажах аккуратно расставлены папки с рукописями, документами. Нашлись люди, которые прибрали и расставили уцелевшее. После того как архив залила вода. Беру одно из личных дел. Начато в 1938 году. Как же принимали в то время людей на работу? Какие вопросы им задавали? Например, участвовал ли в гражданской войне, служил ли в войсках или учреждениях белых правительств, основные занятия родителей до Октябрьской революции, были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозиции? И как будто сквозь годы слы-

шу твердый голос: нет, не служил, не колебался...

Прошное отчеркнуто линией революции. Зачеркнуты в памяти те, кто остался за этой чертой: родители, братья, сослуживцы, друзья. Поэтому сегодня мы так плохо знаем историю своего рода, семьи. Не можем нарисовать генеалогическое древо до седьмого колена. Все забыто, как вот эта недописанная, выгоревшая от времени фотография, которую я подняла с каменного пола. Может быть, уже внуки запечатленного на ней человека работают на заводе, может, и не осталось никого. Зброшенный архив — исчезающая память. Давайте же вести отсчет от того, что удалось сохранить.

А. ВОРОНЦОВА.